

1.
Макенский позвонил вечером. В голосе слышались нотки человека очень довольного собой, благодушного, снисходительного. Он говорил неторопливо, с глубоким чувством собственного достоинства. Это был голос значительного, большого человека. И ты должен был понять это сразу. Почувствовать всем существом, до робкого холодка в позвоночнике. Скольких людей приводил в панику этот голос? Можно было только догадываться. Но обладатель этого голоса ловко, артистично манипулировал им. Это была игра. А может быть, это была жизнь. Сам хозяин голоса уже не отличал, где жизнь, а где игра. Его возможности позволяли ему не жить в привычном смысле этого слова, а лететь над жизнью. И он привык к ощущению полёта. И ещё в голосе слышатся запах дорогого парфюма, припущенного галстука и коньяка высшего уровня.

Он обращался ко мне на «ты» с первой фразы.

— Вечер добрый, — послышалось в трубке, — ты можешь не вспомнить, но я сейчас постараюсь объяснить, кто я. Э-э меня зовут Макенский Борис Николаевич. Я вице-президент Александровского банка Москвы. Не знаешь меня?

— Простите, нет.

— Мне твой телефон дал Пыжов Сергей Иванович.

— А, Сергей Иванович Пыжов?

— Да, Пыж. Мы когда-то тренировались вместе. Ты постарше нас на три-четыре года. Признаюсь, мы восхищались тобой. Ты был уже звезда, а мы только подрастали. Меня звали Маккена, не помнишь такого?

И вдруг в моей голове возникла картина. Спортивный комплекс, зал, ринг... Соревнование по боксу. Может быть, первенство города. И на ринге мальчишка из нашего клуба с именем Маккена. Длинный, в белых трусах и красной майке. Худой, немного трусливый на ринге. Про таких говорят: «не боец». Мы сидим с ребятами на балконе и кричим это удивительное имя, боясь за наш клуб:

— Маккена, Маккена, Маккена...

— Да, я помню прекрасно. Это имя, Маккена, прямо звучит в моей голове, — оживлённо заговорил я, — благодарю вас, что вы мне позвонили и напомнили счастливые времена нашего детства. Но что у вас случилось? Нужна помощь священника?

Макенский был доволен, что я так быстро вспомнил его.

— Ты правда помнишь меня?

— Вспоминаю зал, по-моему, «Спартак». Главного судью Волкова и тебя на ринге. Город, по-моему, первенство города.

— Точно. Молодец, уважаю, — он довольно засмеялся.

— Я завтра приеду. Звоню тебе из другого города. У мамы годовщина в этот день. Ты сможешь со службой?

— Конечно.

— На кладбище.

— Ну что ж, погода позволяет. Отслужим.

— Мама умерла год назад. Похоронил там, на нашем кладбище, вместе с отцом. Отца нет уже четыре года, — он вздохнул. — Знаешь, тяжело терять близких. Особенно мать.

— Я понимаю, моя мама умерла совсем недавно.

— Ах, вот как? Недавно...

Мы помолчали.

— Мне Пыжов сказал, что ты строишь храм. Сколько раз проезжал мимо твоей стройки и не знал, что это Седогин строит. Я тебе денег привезу завтра. Давай, пока.

И он положил трубку.

— Вице-президент Александровского банка Москвы, — вслух произнёс я, — это хорошо.

Время было позднее, я помолился и лёг в постель.

«В руце Твои Господи, предаю дух мой. Ты меня благослови, Ты меня помилуй, и живот вечный даруй ми. Аминь».

Но сна не было. Я поворачивался с боку на бок. Тело устало, и хотелось уснуть, чтобы восстановить силы перед завтрашним

трудным днём. Но на душе было тревожно. Я думал о маме. Её похоронили. А мир продолжает жить прежней жизнью. Казалось, что в нём ничего не изменилось. И так происходит всегда. Приходит и уходит человек, и кажется, что его никогда не было. Уйду когда-то и я, и тоже всё будет как прежде существовать, а меня уже не будет среди всего этого многообразия жизни. И только кратковременная память молитвенно хранит образы любимых людей и воздаёт за них в Алтаре «бескровных» жертвы, принесённые к Богу.

Сон не приходил. Тогда поднявшись, я сел за письменный стол и щелчком включил лампу. Буду писать.

«Дорогой мой сын. Когда моя мама, Александра, Царство ей небесное, и твоя бабушка вдруг заболела, я не помню тебя около себя. Видимо, я тебя жалел. Ты ещё так молод. Но зато похороны я буду помнить всегда.

Маму пришлось проводить много народу на кладбище. Но я никак не мог сдержать слёзы. Душа моя разрывалась, комок подступал к горлу, и рыдания душили меня. И в толпе, поодаль, я увидел тебя, в этот самый момент моей слабости. Ты видел мои слёзы и плакал вместе со мной. Это были слёзы твоего сердечного сострадания мне. Я никогда этого не забуду. Я понял, насколько глубоко ты сопереживаешь. Нет, ты плакал не из-за бабушки, потому, что она не воспитывала тебя, и у вас не было таких уж близких родственных отношений. Ты жалел меня. Я всегда буду помнить эти твои слёзы жалости и сопереживания моему страданию. Человек, внутренний человек, то есть настоящее содержание личности, проявляется как раз в трагические минуты жизни. Начинает звучать его сердце. Выходит наружу «с кровенное сердце человека, в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа», так сказал апостол Пётр о женщине. Я почувствовал, что ты, несмотря на все наши разногласия и ссоры, по-настоящему любишь меня. Господи, помоги мне никогда не забывать этого при общении с тобой!

Я хочу написать тебе несколько слов о твоей бабушке.

Она родилась первого апреля. Представляешь, в наше время это был праздник лжи. Люди были самими собой. Им не нужно было скрываться и прятаться, как они делают в остальные дни года. Они просто были самими собой. Это была подлинная мистерия, или карнавал эпохи Франсуа Рабле, когда устраивались праздники дураков или праздник осла. Этот день, первого апреля, давал совершенно иной, подчеркнутый неофициальный, внесударственный аспект мира, человека и человеческих отношений. Сейчас я этого в жизни общества в отношениях между людьми совсем не наблюдаю. Кроме вульгарности и пошлости, а также гомеорического хохота. А между тем, «первого апреля — никому не веря», люди как бы строили по ту сторону всего официально-го, всего наносного второй мир и вторую жизнь, к которым, как в эпохи Средневековья и Возрождения, они были в боль-

шей или меньшей степени причастны. В которых они в определённые сроки (мистерий и карнавала), жили. Это была особого рода двумерность. Она касалась жизни общества, которое жило в состоянии дозированной лжи. Эта жизнь затрагивала и отдельного человека, который проживал её, как захватывающий детектив, находясь в состоянии лжи не только по отношению к людям, но и по отношению к самому себе. В этот день мистерии и карнавала рождалась твоя бабушка. Я думаю теперь, что это определило её судьбу. Она всю жизнь была борцом за правду и за настоящее, подлинное движение души. При ней невозможно было кривляться или играть, быть гордым и тщеславным. Она всегда поставит на место. Часто она говорила мне, увлечённому искусством, словами Станиславского:

— Вы любите не искусство, а себя в искусстве.

Почти не имела друзей, не праздновала дни рождения. Не любила. Не любила также и веселий и никуда никогда не ходила. Особенно вторую половину своей жизни.

Апостол и Евангелие, молитва на освящение воды.

Я увидел боковым зрением, как в храм вошёл мужчина средних лет, крупного телосложения, в костюме с галстуком. Он купил целую охапку самых дорогих свечей и деловито переходил от подсвечника к подсвечнику, возжигая и ставя свечи. По всему храму, у всех икон вскоре горели свечи. Он не крестился. Остановившись, вглядывался быстрыми глазами, расположенными на довольно мясистом лице, в образ и картинно ставил на подсвечник свечи. Было видно, что это руководитель, лидер, хозяин жизни и человек небедный. Народ, собравшийся в церкви, он, казалось, не замечал.

Это был Макенский, вице-президент Александровского банка Москвы. Я узнал его не по внешности, а скорее догадался, что это он. Разглядеть в этом широкоплечем, мощном человеке, весившем не менее ста двадцати килограммов, того худенького мальчишку — Маккена, который робко двигался по рингу, было очень сложно. Закончив таинство, я вышел к нему.

Из романа «Становящийся смыслом»

Геннадий РЯЗАНЦЕВ-СЕДОГИН

Маккена

В конце говорила:

— Всю жизнь прожила среди дураков, — так, видимо, она называла нас, своих близких. Или, может быть, имея в виду день первого апреля, когда творились мистерии — «праздник дурака» и «праздник осла». И ушла она в этом же месяце, апреле, только тридцатого числа, прожив восемьдесят два года.

Заворочался ключ в замочной скважине, и дверь потихоньку начала открываться, предательски заскрипев. Пришёл сын Иван. Я взглянул на часы. Два пятнадцать ночи. Я вытянул из розетки вилку, и свет настольной лампы погас. Осторожно дошёл до кровати, прилёг и затих. Слава Богу, он дома. Тревога ушла. Допишу потом. Я могу спать.

2.

Заканчивалась первая неделя Пасхи. Я совершал молебен в нижнем храме. Молилось около семидесяти человек. Настроение было праздничное. Певчие пели тропари святым угодникам Божьим. Молебен был водосвятный, читались

— Борис Николаевич! — я назвал его по имени и протянул руку для приветствия.

— Да, это я, — благостно улыбаясь, протянул мне Макенский крупную, но очень мягкую ладонь. — Узнал меня?

— Узнал, но не по внешности, по-другому.

— Как это, по-другому?

— Большой человек виден сразу, изда-лека.

— Я тебе денег привёз, — Макенский полез в боковой карман пиджака и извлёк приготовленный конверт. — На, держи.

— Благодарю, — немного смутившись, произнёс я, принимая конверт, — нам деньги нужны, нужны.

— Молодец, красивый храм получается, русский. Будем помогать по мере возможности, — заверил Макенский убедительно и строго. — Чем собираешься крыть купола?

— Купола на Руси кроют золотом, чтобы чаще Господь замечал, — улыбнувшись, процитировал я Высоцкого.

— Это правильно, молодец, — он был доволен не только собой, но, видимо, и мной.